

УДК 82-1:821'01(38)

**К СУЩНОСТИ ОБРАЗА МЕДЕИ
В ОДНОИМЕННОЙ ТРАГЕДИИ ЕВРИПИДА**

Брагова А.М., Кузнецова А.В.

Статья посвящена анализу образа Медеи в одноименной трагедии Еврипида. Авторами делается вывод о том, что в трагедии создан образ женщины с трагической судьбой и страстной натурой. Героиня трагедии не готова мириться с судьбой и потому начинает бороться за справедливость и уважение к себе. Своим поступком (убийством детей из ревности к мужу) Медея доказывает могущество женщины и указывает на отсутствие у нее женственности, которая должна выражаться в смирении, кротости, вере, надежде и любви. В связи с этим образ Медеи является символом зла и темных сторон женской сущности.

Ключевые слова: Медея, Еврипид, античная трагедия, древнегреческая литература.

**TO THE ESSENCE OF MEDEA IMAGE
IN THE EPONYMOUS TRAGEDY BY EUREPIDES**

Bragova A.M., Kuznetsova A.V.

The article is devoted to the analysis of Medea image in eponymous tragedy by Euripides. The authors conclude that the tragedy created the image of a woman with a tragic fate and a passionate nature. The heroine of the tragedy is not ready to put up with fate and therefore begins to fight for justice and self-respect. By her act (killing children out of jealousy for her husband), Medea proves the power of a woman and points to her lack of femininity, which should be expressed in humility, meekness, faith, hope and love. In this regard, the image of Medea is a symbol of evil and the dark sides of the female essence.

Keywords: Medea, Euripides, ancient tragedy, ancient Greek literature.

Трагедия Еврипида «Медея» была поставлена на сцене в 431 году до н.э. В основе «Медеи» Еврипида, как и в основе любой классической трагедии, лежит мифологический сюжет, а именно миф о походе аргонавтов за золотым руном.

Медея (в переводе с греческого Μῆδεια – «храбрость») является дочерью колхидского царя Ээта (сына Гелиоса и Персеиды) и океаниды Идии (нимфы, одной из трех тысяч дочерей титана Океана и Гефиры), внучкой бога Гелиоса, племянницей Цирцеи, волшебницей, а также жрицей Гекаты.

Также еще одним значением имени Медея является «мидийка» (жительница Мидии, страны внутренней Азии), что означает «азиатка». Так, например, И. Анненский в четвертом явлении первого действия своего перевода трагедии Еврипида «Медея» добавляет собственную ремарку относительно негреческого внешнего вида героини, что как раз оправдывает значение ее имени: «Из средних дверей выходит с небольшою свитою рабынь в восточных одеждах Медея; у нее длинный овал лица, матовые черные волосы, тип лица грузинский, шафранного цвета и затканная одежда напоминает Восток» [2, с. 71]. Именно поэтому непохожесть на других персонажей трагедии подтверждает ее исключительность и объясняет ее неординарный поступок – убийство собственных детей [8, с. 174].

Сущность античной Медеи можно охарактеризовать словом «страсть». Страстность ее направлена вовне: героиня выступает как экстраверт, много и охотно излагая свои мысли окружающему миру [8, с. 179]. Неслучайно ее образ раскрывается в выразительных лирических монологах, насыщенных психологизмом и риторическими приемами, а также в высказываниях о ней других героев произведения [8, с. 181]. То же самое отмечает А.Ф. Лосев: «Еврипид раскрывает душу человека, истерзанного внутренней борьбой между долгом и страстью, он показал этот мучительный конфликт и, не приукрасив действительности, приходит к выводу, что, к сожалению, страсть часто берет верх над долгом» [4, с. 158].

Перед зрителями предстает личность, борющаяся с внешними силами (роком, волей богов, обществом), а также переживающая внутреннюю борьбу добра и зла, страсти и долга, любви и ненависти. Медея поставлена в ситуацию противостояния и вынуждена делать сложный и важный выбор, который повлияет на поступки и судьбы всех окружающих. Она одновременно является и женщиной-жертвой, и женщиной-мстительницей [7, с. 123]. Узнав о неверности мужа, героиня не может найти никаких оправданий его поступку, она доведена почти до безумия.

На первый взгляд, создается впечатление, что ее разум так же, как и сердце, охвачен чувством ненависти, мести и злости. Однако на самом деле во всех ее поступках прослеживается логика и холодный расчет. Так фраза: «И вышла я...» имеет символический смысл и может рассматриваться как перемещение из частной сферы дома в публичную обстановку. Именно поэтому в пределах дома читатели могут заметить, что речь Медеи более экспрессивная и эмоциональная, так как именно в этой обстановке ею владеют чувства. Но, как только она выходит за черту места уединения самой с собой, ею снова овладевает разум и расчет, особенно при разговоре с Креонтом и Ясоном [11, с. 17]. Именно поэтому можно утверждать, что принятие решения об убийстве невесты неверного мужа и собственных детей не является последствием бури эмоций, захватившей душу героини. Неслучайно Медея становится одним из первых персонажей классической трагедии, где основную роль в образе героини драматург отдает ее психологическому портрету, который раскрывается через лирические монологи героини. Этот прием Еврипид использует в кульминационной сцене трагедии – подготовке к убийству детей, сопровождающейся внутренними терзаниями и муками героини, а также в самом преступлении.

Теперь рассмотрим образ Медеи в отдельных сценах. Впервые в действии трагедии героиня появляется после парода, т.е. прохода хора. В прологе слова Кормилицы о неверности мужа Медеи («Детей Ясон и с матерью в обмен на новое отдать решил ложе...» [2, с. 63]) обозначают основную проблему

трагедии: семья «распалась», поскольку муж сделал все для того, чтобы «терем жену утаил». Горе героини велико, поэтому она «остановить не хочет воплей» [1, с. 239]. Именно поэтому ее отношения с Ясоном являются одним из важнейших действующих сил трагедии, ведь они и есть причина всех роковых и страшных поступков Медеи.

Развитие драматургическому действию дает первый монолог героини, который показывает ошибочность представления ее как «дикарки», одержимой ревностью и мстостью. Медея думает не только о своем личном незавидном положении, но и о предательстве по отношению к ней. Ее мысль обращена к нелегкой доле женщины в эллинском полисе. Выходя замуж, она вступает в новый мир, где ей «чужды и нравы и законы» [1, с. 239]:

...И завиден

Удел жены, коли супруг ярмо

Свое несет покорно. Смерть иначе.

Ведь муж, когда очаг ему постыл,

На стороне любовью сердце тешит,

У них друзья и сверстники, а нам

В глаза глядеть приходится постылым [2, с. 72].

Медея называет деторождение подвигом женщины, сравнимым с подвигом мужчины на войне [3, с. 72]:

Какая ложь! Три раза под щитом

Охотней бы стояла я, чем раз

Один родить [2, с. 72].

Однако героиня чувствует, что ее подвиги не вознаграждены не потому, что не замечены, а потому, что она является представительницей женского пола. Таково ее положение как женщины. Создается впечатление, что монолог Медеи является выступлением в защиту представительниц прекрасного пола [3, с. 72]:

Нас, женщин, нет несчастней. За мужей

Мы платим – и недешево. А купишь,

Так тебе хозяин, а не раб [2, с. 72].

Образ героини углубляется в последующих сценах. Креонт, отец новой невесты Ясона и царь Коринфа, встретившись с Медеей, требует, чтобы она покинула его город, поскольку чувствует ее страстную и непредсказуемую натуру. Здесь герой выступает как хранитель порядка и спокойствия своего народа. Он пытается обезопасить свой город от опасного поведения обманутой и преданной своим чувствам Медеи. Неслучайно царь Коринфа называет ее способности злом. Он связывает эти потенциально злые таланты с умом Медеи. Интеллект является ценным атрибутом и способствует улучшению общества, но только в умах мужчин. Поэтому, если им овладевает женщина, то это может принести вред обществу [5, с. 260]. Героиня это осознает, поэтому так отвечает Креонту:

*Ведь если ты невежд чему-нибудь,
Хоть мудрому, но новому, обучишь,
Готовься между них не мудрецом
Прослыть, а тунеядцем...* [2, с. 74].

В следующей сцене происходит столкновение Медеи с Ясоном. Ее муж предстает как эгоистичная и самовлюбленная натура. Кроме того, он является расчетливым и лживым человеком, прошедшим софистическую школу и преисполненным веры в себя и власти над Медеей [1, с. 29].

Однако его можно и оправдать: Ясон женился на героини не из любви, не посланной его сердцу богинями, а из благодарности [3, с. 73]. Тем самым, можно утверждать, что любовь Медеи безответна. Тем не менее, герой понимает, что должен нести ответственность за ее судьбу и судьбу своих детей, но не предлагает реальной помощи, которая так нужна героине и ее детям в настоящем. Ясон обещает обеспечить будущее детям после рождения их у своей новой невесты [3, с. 77]:

*Я говорил уже, что я тебя
Спаси хотел, родив единокровных
Твоим сынам царей, опору дома* [2, с. 86].

Поэтому можно смело сказать, что герой ведет речь о «мнимой» помощи не из чувства ответственности, а из желания очистить свою совесть и выглядеть порядочным и благопристойным человеком в глазах окружающих [3, с. 78]. Все это, безусловно, чувствует и осознает Медея. Более того, Ясон упрекает героиню за ее необузданность, открытое недовольство и «злые речи» [1, с. 241]. После этого создается впечатление, что муж Медеи как будто рад ее отказу от предложенной помощи [3, с. 78]. Все это особенно ранит героиню, поэтому пожар в ее душе разгорается с еще большей силой. Так разговор с Ясоном становится катализатором, обуславливающим последующие действия Медеи.

Далее следует сцена встречи и разговора героини с Эгеем. Медея в ходе их диалога придумывает план мести Ясону. Важно отметить, что Эгей, беседуя с героиней, не подозревает о созревшем в ее голове плане мести, поэтому он просто предлагает смириться с судьбой. Все демонические идеи приходят ей на ум при виде мучающегося от бездетности Эгея («Детей иметь хотел бы я, Медея...» [2, с. 89]). Так героиня решает убить не только невесту мужа, но и собственных детей, поскольку она знает, что по античным представлениям человек, лишенный потомства, считается отверженным богами и людьми, так как наследники являются гарантией бессмертия для родителей и продолжением рода для отца. С точки зрения одержимой жаждой мести и восстановлением справедливости героини подобная месть является высшим наказанием для неверного и эгоистичного мужа.

Медея не собирается принимать долю оскорбленной и обманутой женщины. Ей трудно простить поступок Ясона. Поэтому можно смело сказать, что ее трагедия – это трагедия обманутого доверия:

Нежданное обрушилось несчастье.

Раздавлена я им и умереть.

Хотела бы – дыханье мука мне!

Все, что имела я, слилась в одном,

И это был мой муж – последний из людей [2, с. 72].

К тому же, сознание полного одиночества усиливает страдания Медеи:

О, ужас! О, ужас!

О, пусть небесный Перун

Пронижет мне череп!..

О, жить зачем мне еще?

Увы мне! Увы! Ты смерть, развяжи

Мне жизни узлы – я ее ненавижу ... [2, с. 68].

При построении дальнейшего психологического портрета героини как через отдельные сцены, так и в протяжении всего действия трагедии можно заметить душевные терзания Медеи по поводу собственноручного убийства своих детей. В этой сцене очевидна внутренняя борьба героини между материнским долгом и страстью, ревностью и любовью к детям. На мгновение материнская любовь заставляет отбросить ужасное решение, дискредитирующее ее как мать, и принять новый план – бежать из Коринфа вместе с детьми:

Вы на меня смотрите и смеетесь

Последним вашим смехом?.. Ай-ай-ай...

Что ж это я задумала? Упало

И сердце у меня, когда их лиц

Я светлую улыбку вижу, жены [2, с. 106].

Вид малышей трогает героиню, поэтому она пытается отказаться от их убийства. Так или иначе, Медея понимает, что такое решение диктуется не только расчетом, обрекающим Ясона на бездетность, но и глубокой ревностью:

Я не смогу, о нет... Ты сгини, гнет

Ужасного решенья!.. Я с собою

Возьму детей... Безумно покупать

Ясоновы страдания своими

И по двойной цене... О, никогда...

Тот план забыт... Забыт... Конечно... [2, с. 107].

Однако мысли героини, призывающей себя отказаться от детоубийства, сменяются мыслями героини, стыдящей себя за «слабое сердце». Далее можно

наблюдать новую борьбу разума с чувствами, характерными для любой женщины и, прежде всего, матери. Медея начинает упрекать свое материнское чувство и любовь к детям. При прочтении этой сцены создается впечатление, что героиня как будто забывает про свой ужасный план. Вдруг она вспоминает, что царица должна была уже примерить свадебный наряд и вероятнее всего в настоящий момент умирает от яда:

*...О сладкие объятья,
Щека такая нежная, и уст
Отрадное дыханье... Уходите,
Скорее уходите... Силы нет
Глядеть на вас. Раздавлена я мукой...
На что дерзаю, вижу... Только гнев
Сильней меня, и нет для рода смертных
Свирелей и усердной плача... [2, с. 108].*

Звуки разъяренной толпы, ищущей ее сыновей, разрешает все сомнения героини, поскольку она понимает, что дети уже обречены на гибель.

Данному поступку Медеи исследователи творчества Еврипида дают разную оценку. А.Ф. Лосев приписывает это страсти, которая берет верх над долгом в душе героини [4, с. 158]. М. Мэккеи трактует ее поступок как «милосердное убийство», потому что Медея знает, какая судьба ждала бы ее сыновей после смерти Креонта и его дочери: ее дети были бы убиты мучительной смертью [10, с. 71]. И.С. Иванова считает, что преступление Медеи – это попытка перевоспитания Ясона, а именно, после испытанной боли он должен был признать свою вину и раскаяться в своем поступке, тем самым испытав катарсис [3, с. 77]. В.К. Пичугина объясняет такое поведение героини как ее особое понимание правоты и виновности человека [6, с. 531].

Хочется также уделить внимание проблеме, связанной с потерей героиней женственности. Как указывает И.С. Иванова, «апофеозом потери женственности является убийство Медеей своих детей» [3, с. 71]. Медея любящая должна либо покориться воле Ясона и оставить Коринф вместе с

детьми, либо еще побороться за его любовь с новой невестой при помощи своих зелий. Однако Медея ненавидящая выбирает месть и наказание, продемонстрировав жителям города свое могущество. Здесь и происходит потеря ею женственности, поскольку данное понятие не включает в свое толкование такие качества, как жестокость, агрессивность и жажду власти [3, с. 77]. Более того, в качестве орудия убийства героиня выбирает меч, атрибут мужского мира [5, с. 262]. Таким образом, любовь маскулинная (жажда отомстить за честь) одерживает победу над любовью феминной (любовь к сыновьям), поскольку бесчестие и осмеяние для нее страшнее измены мужа [8, с. 175]. Так, одной из самых ярких иллюстраций маскулинности Медеи можно считать следующие ее слова:

*...Три раза под щитом
Охотней бы стояла я, чем раз
Один родить* [2, с. 72].

В связи с этим важно поднять вопрос о гендерной принадлежности героини с разных точек зрения. Первая – это то, как мужчины воспринимают пол Медеи [5, с. 259]. Так в известной сцене разговора с Креонтом героиня воспринимает Медею как не имеющую своей гендерной принадлежности, поскольку она не придерживается формы поведения, положенной для женщины. Колхидский царь опасается, что героиня навсегда покинула «природу» и пытается проникнуть в «культуру» [5, с. 260]. Она разделяет свое положение между «природой» и «культурой» на протяжении всей трагедии. Особенно это выражается в выборе способа мести:

*Немало есть и способов...
Какой я выберу, сама еще не знаю:
Чертог поджечь невестин или медь
Им острую должна вогнать я в печень...* [2, с. 78].

Поджог свадебного чертога свидетельствует о том, что Медея сможет сохранить брак и вернуться к своей естественной роли жены и матери. Однако использование меча для того, чтобы проколоть чрево относит героиню к

мужской сфере. Поэтому можно утверждать, что Медея выбирает извращенную интерпретацию злой женственности [5, с. 260].

В представлении Эгея героиня по-прежнему находится в женской сфере, особенно при заключении с ним сделки при обмене своего «лекарства» на убежище в Афинах. Известно, что Медея изначально была женщиной, знающей зелья, и с помощью ее навыков и интеллекта мужчины чувствовали себя комфортно [5, с. 262].

Тем не менее, Медея все-таки решает занять пограничное состояние между женской и мужской сферами. В этом заключается вторая точка зрения – притворное гендерное поведение Медеи [5, с. 259]. Неслучайно перед Эгеем она предстает как женщина, способная решить его проблему бездетности, а во второй сцене встречи с Ясоном – как женщина, смирившаяся со своей судьбой.

Третья точка зрения заключается в том, как Медея думает о своей гендерной идентичности [5, с. 259]. Это подтверждает финальная сцена, в которой героиня последний раз входит в свой дом и губит все, что связывает ее с природой. Здесь героиня уже не рассматривается как ресурс для мужчин, а только как дикая ведьма, владеющая губительными ядами.

Интересно рассмотреть образ Медеи также с точки зрения матриархата и этической оценки ее преступления. Так вся месть героини больше, чем просто месть обиженной до глубины души женщины. Поэтому ее поведение можно рассмотреть как символ восстановления справедливости, бунт против ненормально жестоких условий жизни, не позволяющих женщине осуществить свою истинную миссию. Все это указывает на то, что судьбу мужчины вправе вершить женщина, которая велика как в любви, так и в гневе. Только она способна возвести на вершину, и она же способна лишить самого дорогого и ценного того, кто проявил к ней неуважение и нарушил закон любви и верности. Медея не столько обидчица, сколько обиженная, не унижающая, сколько униженная, не столько нарушающая законы, сколько восстанавливающая справедливость [3, с. 72].

Однако встает вопрос: откуда у героини появляется столь сильная жажда мести и ненависти к миру, природе, детям? Наверное, ответ кроется во внутренней неудовлетворенности любовью, отношении к ней мужа и общества, а также в обреченности на борьбу за свою честь и права [3, с. 77].

Поэтому трагедию Медеи можно воспринимать в двух основных ипостасях: борьба женщины за свое счастье и право вершить судьбы людей и проблема потребности в вечной, самоотверженной любви, никогда не иссякающей и преодолевающей все искушения [3, с. 78]. В ситуации с Медей поступок Ясона, с одной стороны, можно расценивать как использование героини в своих корыстных целях ради собственной выгоды. С другой стороны, он не испытывал возвышенного чувства к героине, поэтому не обязан быть взаимным в любви. Тем не менее, герой не проявляет элементарного уважения и благодарности к женщине, матери его детей. Поэтому отсутствие этих двух составляющих убивает в героине женственность и превращает ее в мстительное чудовище [3, с. 78].

Еврипид специально включает хор в сцену убийства Медеей своих детей, чтобы отделить преступление героини от других мстительных поступков и показать, что именно здесь героиня убивает себя как женщина и как мать и тем самым окончательно отделяет себя от «природы». Все эти приемы помогают Еврипиду дать этическую оценку произошедшему.

В результате, Еврипид создает совершенно иное представление о женщине с трагической судьбой и страстной натурой. Это женщина, в душе которой разгорается настоящий пожар и которая готова бороться за справедливость и уважение к себе. Героиня не согласна мириться с судьбой. Своим поступком Медея одновременно доказывает могущество женщины и указывает на отсутствие у нее женственности, которая должна выражаться в смирении, кротости, вере, надежде и любви. Образ Медеи также является символом зла и темной женской сущности. Как справедливо замечает Т.А. Шарыпина, «попытки «высветлить» или «очернить» этот образ убивают его трагическую величественность» [9, с. 195].

Список литературы:

1. Гиленсон Б.А. История античной литературы. Кн. 1. Древняя Греция. М.: Флинта: Наука, 2001. 416 с.
2. Еврипид. Трагедии=ΤΡΑΓΩΙΔΙΑΙ: в 2 т. / Перевод с древнегреч. яз. И. Анненского; подгот.: М.Л. Гаспаров, В.Н. Ярхо. М.: Ладомир: Наука, 1999. Т. 1. 644 с.
3. Иванова И.С. Причины утраты женственности героиней античных трагедий Медеей и этическая оценка данного явления // Сервис plus. 2014. Т. 8. № 3. С. 68-80.
4. Лосев А.Ф. Античная литература. М.: Просвещение, 1980. 465 с.
5. Обидина Ю.С. Казус Медеи: эволюция образа в восприятии древнегреческого общества эпохи классики // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2020. Т. 6. № 3 (23). С. 254-266.
6. Пичугина В.К. Перевоспитание дочери, жены и матери в трагедии Еврипида «Медея» // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2016. Т. 10. № 2. С. 527-549.
7. Трубочкин Д.В. Античная литература и драматургия. М.: Государственный институт искусствознания, 2010. 224 с.
8. Федосеева Т.В. Образ Медеи в античной литературе и в романе Людмилы Улицкой «Медея и ее дети» // Научные труды кафедры русской литературы БГУ. 2006. Вып. IV. С. 169-183.
9. Шарыпина Т.А., Савиных О.И. Инварианты образа Медеи в Европейском литературном сознании XX – рубежа XXI вв. // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 6. № 12. С. 195-200.
10. Mackay M.A. Medea: Maiden, Mother, Monster: a Biopoetic Analysis (Thesis, Master of Arts). University of Otago. 2011. 157 p.
11. Williamson M. A Woman's place in Euripides' Medea // Euripides, women, and sexuality / Ed. by Anton Powell. London: Routledge, 1990. P. 16-31.

Сведения об авторах:

Брагова Арина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия).

Кузнецова Анна Васильевна – студентка Высшей школы перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия).

Data about the authors:

Bragova Arina Mikhailovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod, Russia).

Kuznetsova Anna Vasilievna – student of Higher School of Translation, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod, Russia).

E-mail: arbra@mail.ru.

E-mail: akuznetsova07@yandex.ru.